

3.

Гимнъ къ Аполлону. *)

(№ 1).

Μῦθος δ' ἐστὶν εἷς, οὐχ ὥσπερ τινὲς οἴονται,
ἐὰν περὶ ἓνα ᾗ. πολλὰ γὰρ καὶ ἄπειρα τῷ γένει
συμβαίνει, ἐξ ὧν ἐνίων οὐδὲν ἐστὶν ἓν. οὕτω δὲ
καὶ πράξεις ἐνὸς πολλάί εἰσιν, ἐξ ὧν μία οὐδεμία
γίνεται πράξις. διὸ πάντες εἰκάσιν ἁμαρτάνειν,
ὅσοι τῶν ποιητῶν Ἡρακλῆϊδα καὶ Θησηϊδα καὶ
τὰ τοιαῦτα ποιήματα πεποιήκασιν· οἴονται γὰρ,
ἐπεὶ εἷς ἦν ὁ Ἡρακλῆς, ἓνα καὶ τὸν μῦθον εἶναι
προσῆκειν.

Aristot. poet. VIII.

Въ извѣстномъ „Состязаніи Гомера съ Гесіодомъ“ рассказывается, что, пробывъ нѣсколько времени въ Аргосѣ, Гомеръ отправился въ Делосъ на народное празднество и здѣсь у такъ назыв. „рогового алтаря“ (κεράτινος βωμός) произнесъ въ честь Аполлона гимнъ, начинающійся со словъ: „μνήσομαι οὐδὲ λάθωμαι Ἀπόλλωνος ἐχάτοιο“. За этотъ гимнъ іоняне сдѣлали поэта гражданиномъ своего союза; а делійцы, записавъ стихотвореніе на гипсовой скрижали, принесли его, какъ даръ, въ святилище Артемиды ²⁰⁹).

Аполлоновъ гимнъ, начинающійся приведенными словами, дошелъ до насъ и помѣщается на первомъ мѣстѣ во всѣхъ изданіяхъ гомерическихъ проэмій ²¹⁰). По объему своему онъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ (546 стг.), а по содержанію едва ли не самый разнообразный; съ другой стороны по времени возникновенія большинствомъ ученыхъ онъ признается древнѣйшимъ изъ всѣхъ стихотвореній разсматриваемой коллекціи, а по своимъ эстетическимъ достоинствамъ

*) Дополнимъ и здѣсь, какъ выше (стр. 55), литературныя указанія Гемолли (op. cit. p. 107): Hymnus in Apollinem etc. a D. Io. Alex. Brassicano conv. atque scholiis illustr. (Argent. 1523); K. L. Köhler Homer's Gesang auf d. Apollo mit deutschen Anm. (Leipz. 1768); Th. Schreiber Apollon Pythoktonos (Leipz. 1879); O. Crusius въ „Wochenschr. f. class. Philol.“ (Andresen-Heller) 1885, 41, ст. 1299; O. Gruppe Griech. Culte u. Mythen, I, стр. 523 слл.

²⁰⁹) Въ изд. Гёттлинга, стр. 325.

²¹⁰) Только въ изданіи Барнса онъ помѣченъ вторымъ номеромъ, такъ какъ ему предшествуетъ „Батрахоміомехія“.

представляет (по крайней мѣрѣ въ своей первой части) въ глазахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей „прекраснѣйшій цвѣтокъ эпической поэзіи послѣ-гомерическаго періода“. Въ виду всего этого мы должны остановиться на немъ съ особеннымъ вниманіемъ и постараемся въ предѣлахъ своей задачи не упустить при его разсмотрѣніи ни одной мало-мальски важной подробности.

Итакъ начнемъ съ содержанія.

Поэтъ открываетъ свой рассказъ полною драматическаго движенія сценою на Олимпѣ: онъ хочетъ воспѣть далекоразящаго Аполлона, предъ которымъ дрожатъ всѣ боги, когда вступаетъ онъ въ чертоги Зевса. Стоитъ ему приблизиться и тронуть за тетиву лука,—и они въ страхъ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ. Не встаетъ лишь Латона. Она принимаетъ отъ бога его оружіе, отпускаетъ тетиву, закрываетъ колчанъ, вѣшаетъ лукъ на золотой гвоздь у зевсова трона и сажаетъ Аполлона на его мѣсто. Отецъ привѣтствуетъ милаго сына, подавая ему нектаръ въ золотомъ кубкѣ, и боги снова усаживаются. Латона же радуется, что родила такого сильнаго сына, такого ловкаго стрѣлка (1—13).

За этимъ вступленіемъ поэтъ воздастъ похвалу Латонѣ, матери могучаго Аполлона и метательницы стрѣлъ Артемиды (14—18), и выражаетъ свое недоумѣніе по поводу того, какъ воспѣвать ему Фэба, всячески уже всѣми воспѣтаго. „Не пропѣть ли о томъ, спрашиваетъ онъ, какъ родила тебя на радость смертнымъ Латона на омываемомъ черною волною Делосѣ, откуда ты распространяешь свою власть на всѣ страны,—отъ Крита до Аѳона, отъ Аѳинъ и Эвбѳи до Милета и Книды“? (19—44). Всѣ эти страны исходила Латона, когда мучилась приступами родовыхъ болей и искала пристанища для разрѣшенія отъ бремени. Но ни одинъ городъ не рѣшался принять ее, страхась Аполлона. Вотъ достигаетъ она наконецъ каменистаго и безплоднаго Делоса и убѣждаетъ его даровать ей и ея сыну пріютъ, обѣщая ему за это въ будущемъ такое благоденствіе, какого иначе онъ конечно никогда не достигнетъ. Однако и Делосъ колеблется: а что, если Аполлонъ побрезгуетъ ничтожнымъ островкомъ и въ гнѣвѣ ударомъ сильной паты низвергнетъ его далеко вглубь, въ пучину морскую, на жертву полинамъ и чернымъ тюленямъ, а самъ пойдетъ искать себѣ другаго мѣста для храма и священной рощи? Нѣтъ Латона должна поклясться, что Фэбъ дѣйствительно изберетъ Делосъ центромъ своего культа,—что онъ

здѣсь прежде всего построить себѣ пышный храмъ и учредить свой оракулъ, а потомъ уже отправится и въ другія мѣста, — ибо много предстоитъ ему стяжать славныхъ именъ. И Латона не отказывается въ этомъ требованіи: она призываетъ въ свидѣтели своихъ словъ небо, землю и подземныя стигійскія воды, а это у боговъ самая великая клятва (45 — 90).

Начинаются роды. Девять дней и девять ночей мучится богиня безплодными потугами: Гера изъ ревности удерживаетъ на Олимпѣ Илию, а безъ нея не могутъ пособить роженицѣ всѣ собравшіяся вокругъ нея старшія богини, — Діона, Рея, Ѡемида и Амфитрита. Поэтому онѣ отряжаютъ на Олимпъ Ириду съ тѣмъ, чтобы она сманила Илию золотымъ ожерельемъ и тайкомъ отъ Геры привела ее на Делосъ. Та какъ нельзя лучше исполняетъ свое порученіе. Словно робкія голубки возвращаются обѣ богини къ Латонѣ, и, едва только ступаютъ на почву Делоса, какъ тотчасъ же страданія ея приходятъ къ концу. Она схватывается руками за пальму, упирается ногами въ нѣжный лугъ и рождаетъ Аполлона. Земля встрѣчаетъ его появленіе на свѣтъ радостною улыбкою, а окружающія ложе матери небожительницы — громкими возгласами. Онѣ обмываютъ новорожденного, заворачиваютъ его въ чистыя пеленки, свиваютъ златотканнымъ поясомъ; Ѡемида подаетъ ему нектаръ и амбросію, а Латона радуется, что родила такого сильнаго сына, такого ловкаго стрѣлка (91 — 126).

Но вотъ вкусилъ юный богъ пищи безсмертныхъ, и золотой свивальникъ оказался безсильнымъ сдержать его могучіе члены. Онъ сбросилъ съ себя всѣ путы и воскликнулъ: „да будутъ моимъ удѣломъ любезная кивара и кривой лукъ, и стану я людямъ возвѣщать непогрѣшимую волю Зевса“. Съ этими словами пустился онъ въ путь по пространной землѣ на диво всѣмъ богинямъ, — и, какъ горныя вершины красуются цвѣтами своихъ лѣсовъ, такъ золотымъ блескомъ просіялъ вдругъ Делосъ отъ радости, что возлюбилъ его сребролукій Фебъ и избралъ своимъ обиталищемъ (127 — 139).

Въ самомъ дѣлѣ, всюду бываетъ богъ, — и на высококомъ Кинѣѣ, и на островахъ, и въ тѣнистыхъ рощахъ, и въ тучныхъ храмахъ; но больше всего любитъ онъ Делосъ, гдѣ собираются длиннохитонные іоняне со своими женами и дѣтьми. Они тѣшатъ здѣсь его состязаніями въ кулачномъ бою, въ пляскахъ и пѣніи, и всякій, посмотрѣвъ на это

блестящее собраніе, скажетъ, что тѣ люди не вѣдаютъ ни старости, ни смерти. Но ничто не сравнится съ дѣйскими дѣвами-служительницами Аполлона, ничто не сравнится съ ихъ чудесными хорами, когда онѣ прославляютъ то Латону съ ея дѣтьми, то дѣянія прежнихъ поколѣній, или съ ихъ удивительными танцами (140—164). Одно воспоминаніе объ этихъ хорахъ и танцахъ приводитъ поэта въ восхищеніе. „Привѣтъ вамъ всѣмъ“, восклицаетъ онъ: „вашу славу мы разнесемъ по всѣмъ городамъ, какіе только придется намъ посѣтить,—и люди повѣрятъ нашимъ похваламъ, потому что онѣ справедливы. Но не забывайте меня и вы и, если какой-либо чужеземецъ спроситъ, кто изъ пѣвцовъ нравится вамъ больше всѣхъ, скажите ему таѣ: слѣпецъ, живущій на утесистомъ Хіосѣ; всѣ его пѣсни навсегда останутся самыми лучшими“ (165—176).

За симъ слѣдуетъ новое обращеніе къ предмету гимна: „Буду однако продолжать прославленіе далекоразящаго Аполлона, рожденнаго прекрасноволосою Латоною (177—178). О, владыка! ты обладаешь Ликією, Меонією и Милетомъ, ты царствуешь въ омываемомъ волнами Делосѣ!“ (179—181).

Бряцая на киварѣ, идетъ сынъ славной Латоны къ каменистому Пикону, и подъ ударами золотого плектра его кивара издаетъ сладостнѣйшіе звуки. Затѣмъ съ быстротою мысли воспаряетъ онъ къ Олимпу и вступаетъ въ чертоги Зевса, гдѣ собираются всѣ боги. И тотчасъ же боги требуютъ пѣсенъ и музыки. Музы начинаютъ попеременно воспѣвать своими нѣжными голосами блаженный жребій безсмертныхъ и скорби людей, а Хариты, Горы, Гармонія, Геба и Афродита танцуютъ, взявшись за руки. Къ ихъ хороводу присоединяется метательница стрѣлъ Артемида, въ ихъ толпу вмѣшиваются, заразившись общимъ весельемъ, Аресъ и Гермесъ. Аполлонъ же выступаетъ впереди всѣхъ, наигрывая на своей киварѣ, и блескъ окружаетъ всю его фигуру. Глядя на него, радуется златокудрая Латона и промыслитель Зевсъ (182—206).

„Какъ же однако“, снова вопрошаетъ поэтъ, „пѣть мнѣ тебя, Фэбъ, всячески уже всѣми воспѣтаго? Или рассказать о твоёмъ сватовствѣ? Или пропѣть о томъ, какъ исходилъ ты всю землю, ища мѣста для своего перваго оракула?“ (207—215).

Оставивъ Олимпъ, Аполлонъ отправился черезъ Ѳессалію, Эвбѣю, Аттику и Бѣотію къ источнику Телфусъ. Это мѣсто ему понравилось, и онъ рѣшился основать здѣсь свой храмъ, насадить священную рощу и учредить оракулъ. Но завистливая нимфа источника, опасаясь, что поклоненіе новому богу нанесетъ ущербъ ея собственному культу, задумала, во что бы то ни стало, разстроить планы Аполлона. И вотъ напуганный ея вымышленными разсказами о неудобствахъ выбранной имъ мѣстности, будто бы безпокойной и шумной, онъ дѣйствительно оставляетъ свое первоначальное намѣреніе и по указанію той же нимфы отправляется дальше, въ Фокиду, къ подошвѣ Парнасса. Здѣсь у Крисы, при содѣйствіи Трофонія и Агамеда, сыновей Эргина, воздвигаетъ онъ изъ гладкихъ камней великолѣпный храмъ, предметъ будущихъ пѣснопѣній (216—299).

Неподалеку отъ храма есть ручей, близъ котораго проживалъ ужасный драконъ, гроза людей и животныхъ. Ему нѣкогда Гера отдала на вскормленіе Тифона, — страшное чудовище, рожденное ею безъ Зевса въ отместку за то, что и Зевсъ родилъ Аѳину помимо ея, изъ собственной головы. Фѣбъ умертвилъ дракона своею стрѣлою, и тѣло его сгнило подъ лучами солнца; мѣсто же получило оттого названіе Πυθώ (Пиѳонъ), а самъ Аполлонъ былъ прозванъ Πύθιος (пиѳійскій) (300—374).

Послѣ борьбы съ чудовищемъ богъ понялъ коварство Телфусы. Онъ въ гнѣвѣ возвратился къ ея источнику, завалилъ его камнями и воздвигъ на берегу его свой алтарь. Тамъ приносятъ ему жертвы и чтить его подъ именемъ телфусскаго (Τελφούσιος) (375 — 387).

Построивъ храмъ, Аполлонъ задумался надъ тѣмъ, кому поручить отправленіе своего культа въ Пиѳонѣ. Вдругъ видитъ онъ среди синяго моря критскій корабль, направляющійся съ товарами къ Пилосу. Тотчасъ же устремляется онъ къ морю, принимаетъ на себя видъ дельфина, вспрыгиваетъ на корабль, чудеснымъ образомъ заставляетъ пловцовъ обогнуть Тэнаръ и вдоль западнаго берега Пелопоннеса приводитъ ихъ къ Крисѣ (388 — 439). Здѣсь новое превращеніе: обернувшись яркой звѣздою, Фѣбъ проносится по всему городу, разсыпая искры и распространяя ослѣпительный блескъ, зажигаетъ огонь въ святилищѣ и въ человѣческомъ образѣ возвращается къ помертвѣвшимъ отъ страха критянамъ. Тогда наконецъ они узнаютъ его божественное происхожденіе. Не смѣя ослушаться могучаго бога, они вы-

таскиваютъ свой корабль на сушу, убираютъ всѣ снасти и предводи-
мые самимъ Аполлономъ, играющимъ на китарѣ, отправляются съ гром-
кимъ пѣніемъ пѣзана къ его храму, дабы стать блюстителями его культа
и принять въ свое завѣдываніе новоучрежденный оракулъ. А на мор-
скомъ берегу въ память чудеснаго событія сооружается алтарь, и жертвы,
на немъ приносимыя, посвящаются „Дельфинійцу“: такъ пожелалъ
именоваться Фэбъ съ тѣхъ поръ, какъ подъ видомъ дельфина явился
критскимъ мореплавателямъ (440 — 544).

Гимнъ заключается обычною формулою: „Слава тебѣ, сынъ Зевса
и Латоны! Начавъ съ тебя, перейду теперь къ другой пѣснѣ“ (545 — 546).

* *

Можно считать общепризнаннымъ, что стихотвореніе, съ содер-
жаніемъ котораго мы познакомились, представляетъ въ общемъ про-
дуктъ контаминаціи, и даже тѣ изслѣдователи, которые, какъ Гемолль,
устраняютъ прежнее дѣленіе его на двѣ самостоятельныя половины, —
на гимны дельійскій и пифійскій, — тѣмъ не менѣе склонны видѣть въ
немъ работу не одного лица, а нѣсколькихъ ²¹¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ не-
трудно замѣтить, какъ слабо связаны между собою тѣ части, на кото-
рыя оно естественно распадается. Мы различаемъ въ немъ:

а) 1 — 13. Вступленіе (прославленіе Аполлона далекоразя-
щаго, ἔκατος).

б) 14 — 18. Восхваленіе Латоны.

в) 19 — 178. Разсказъ о рожденіи Аполлона на островѣ Делосѣ.
прерываемый лирическими обращеніями къ воспѣваемому божеству (19
сл., 165) и къ дельійскимъ дѣвамъ, служительницамъ его культа (166
сл.), — въ цѣломъ, стало быть, прославленіе Аполлона дельійскаго.

г) 179 — 181. Лирическій переходъ къ новому сюжету.

д) 182 — 206. Прославленіе Аполлона-Мусагета (μουσαγέτης,
λυροκτύπος, ὀρχηστής).

е) 207 — 304, 355 — 546. Изложеніе мѣта объ учрежденіи дель-
фійскаго оракула въ связи съ прославленіемъ Аполлона пифій-

²¹¹⁾ Срв. Gemoll Н. Н. стр. 111, 116.

скаго (Πύθιος, Πυθιοκτόνος), — телфусскаго (Τελφούσιος), — Дельфинійца (δελφίνιος).

ж) 305 — 354. Эпизодъ о Тифонѣ.

Такимъ образомъ со стороны своего содержанія гомерическій гимнъ къ Аполлону долженъ произвести на каждаго читателя впечатлѣніе сборной работы, — какъ будто бы авторъ его, нисколько не заботясь о поэтическомъ единствѣ своего произведенія, словно тѣ поэты эпического цикла, о которыхъ говоритъ Аристотель (Роёт. VIII, init.), задался мыслью собрать воедино важнѣйшіе мѣфы, героемъ коихъ является Аполлонъ, или, другими словами, воспѣть не делійскаго или пифійскаго, а „многоименнаго“ Аполлона (Απ. πολώνυμος, срв. ст. 82). Въ этомъ отношеніи наше стихотвореніе, стало быть, существенно отличается отъ другихъ гимновъ гомерической коллекціи, въ которыхъ по справедливому замѣчанію Прима ²¹²⁾ обыкновенно за выдѣленіемъ частей вступительныхъ и заключительныхъ остается вполне цѣльное ἔπος или скорѣе ἐπύλλιον съ содержаніемъ, представляющимъ совершенно законченный мѣфическій эпизодъ.

Недостатку внутренняго единства въ разсматриваемомъ гимнѣ соотвѣтствуетъ замѣтная неровность стили и языка. Въ первой его половинѣ изложеніе не отличается тѣмъ эпическимъ спокойствіемъ тона, какое свойственно второй. Разсказъ часто ведется во второмъ лицѣ, причемъ поэтъ обращается къ самому божеству или же къ служительницамъ его алтаря, а стихи 166 слл. хранятъ на себѣ кромѣ того и чисто личный отпечатокъ, столь чуждый самой природѣ эпоса. Слѣды строфическаго дѣленія, имѣющіеся впрочемъ и во второй части, здѣсь болѣе многочисленны. Нѣкоторые повторенія носятъ характеръ какъ бы припѣва. Напротивъ вторая половина стихотворенія выдержана въ болѣе объективномъ тонѣ, а поэтическія достоинства ея несравненно ниже: мы не находимъ въ ней ни той свѣжести и непосредственности чувства, ни той наивности, ни той простоты, ни того одушевленія и изящества, благодаря которымъ первая подъ именемъ „делійскаго гимна“ согласно относится историками литературы въ число лучшихъ произведеній греческой поэзіи. Правда, планъ и все теченіе разсказа въ обѣихъ частяхъ отмѣчены весьма близкимъ и любопытнымъ соотвѣтствіемъ, но и самое

²¹²⁾ Der hom. Hymnus auf den delischen Apollo von J. Priem. Posen, 1878.

это соотвѣтствіе не позволяетъ читателю признать эти части за одно цѣлое. Сличая между собою подробности, онъ не можетъ отдѣлаться отъ той мысли, что въ дельійскомъ гимнѣ мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ какого то даровитаго подражателя Гомера, а въ пноійскомъ — съ стихотвореніемъ поэта, очевидно, подражавшаго уже этому подражателю. Стоитъ взглянуть, до какой степени, до какихъ мелочей возможно установить параллель между тѣмъ и другимъ.²¹³⁾ Начать съ того, что самые сюжеты сходны: въ повѣствованіи объ умерщвленіи Пноона и учрежденіи дельфійскаго оракула, какъ и въ разсказѣ о рожденіи Аполлона на островѣ Делосѣ, главное дѣйствующее лицо, — такъ сказать, протагонистъ (въ первомъ Аполлонъ, во второмъ Латоно), — странствуетъ въ поискахъ за мѣстомъ постоянного обиталища; здѣсь и тамъ поиски эти сперва неудачны, такъ какъ мѣстныя условія посѣщаемыхъ странъ оказываются неблагопріятными; здѣсь и тамъ герой миеа встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны враждебнаго ему божества (нимфа Телфуса, — Гера); здѣсь и тамъ поэтъ отъ баснословія переходитъ подъ конецъ къ реальнымъ лицамъ и отношеніямъ, отъ религіознаго преданія — къ самому культу. Въ самыхъ приемахъ авторовъ нетрудно также подмѣтить соотвѣтствіе. Обѣ части нашего гимна начинаются съ описанія Олимпа и той роли, какую играетъ среди олимпійскихъ божествъ Фэбъ, — 1) непобѣдимый стрѣлокъ, 2) музыкантъ и глава хоровода музъ. Въ обѣихъ частяхъ это вступленіе заключается сходными формулами (срв. ст. 12 сл. и 204 сл.), а затѣмъ одна и та же фигура поэтической реторики составляетъ переходъ отъ вступленія къ повѣствованію (срв. ст. 19 сл. и 207 сл.). Діалогъ между Фэбомъ и Телфусой служитъ противнемъ діалога между Латоной и Делосомъ; съ другой стороны обѣщанія, даваемые Латоною острову, составляютъ параллель къ обѣщаніямъ Аполлона критскимъ морякамъ. Я бы отмѣтилъ сверхъ того два географическихъ описанія во второй части стихотворенія (стг. 216 — 245, 421 — 439), составленные, вѣроятно, по образцу такового же въ первой (ст. 30 — 46).

Что касается эпизода о Тифонѣ, то онъ, очевидно, является чѣмъ то первоначально совершенно чуждымъ разсматриваемому гимну

²¹³⁾ Срв. съ послѣдующимъ Kiesel De hymno in Apoll. hom. (Coblenz 1835), стр. 91; Baumeister, стр. 106; W. Mure A critical history of the literature of antient Greece, II, стр. 334 сл.

и ни по размѣрамъ, ни по содержанію не можетъ быть съ нимъ примирень. Это до такой степени ясно, что всѣ изслѣдователи за исключеніемъ лишь Рункена (ар. *Ilgen*. p. 305) ²¹⁴), Ильгена, Франке да, пожалуй, Маттіэ (срв. *Animadvv.* p. 27 sq.) единодушно устраняютъ стт. 305 — 355, содержащія названный эпизодъ, изъ текста; да и означенные ученые допускаютъ связь этихъ стиховъ съ предъидущимъ и послѣдующимъ не безъ сомнѣній и колебаній. Въ самомъ дѣлѣ странно, что о вскормленникѣ убитаго Аполлономъ дракона въ гимнѣ сказано больше, нежели о самомъ драконѣ и борьбѣ бога съ чудовищемъ, причѣмъ отступленіе ничѣмъ не мотивировано и даже съ виѣшней стороны, стилистически, очень слабо соединено съ повѣствованіемъ о Пнеонѣ, коего частью оно является ²¹⁵). Къ тому же въ противоположность къ остальнымъ частямъ стихотворенія, представляющимъ повсюду наиболѣе древнія версіи мифовъ, эпизоду о Тифонѣ свойственны нѣкоторыя черты, повидимому могущія свидѣтельствовать о довольно позднемъ его происхожденіи. Намъ извѣстенъ мифъ о Тифонѣ въ трехъ различныхъ редакціяхъ, изъ коихъ древнѣйшею можно, кажется, признать гесіодову. По Гесіоду (*Theog.* 820 sqq.) чудовище представляетъ послѣднее изъ тѣхъ порожденій Геи, съ которыми пришлось выдержать упорную борьбу Олимпійцамъ изъ-за власти надъ міромъ. Пораженное зевсовымъ перуномъ, оно было низвергнуто въ Тартаръ, откуда и доселѣ плетъ гибельные вѣтры, проносящіеся всеизсушающимъ знойнымъ дыханіемъ по сушѣ и по морѣ. О Герѣ, какъ о матери Тифона, Гесіодъ ничего не знаетъ. Не знаетъ о ней и Эсхиль, дважды упоминающій объ этой борьбѣ Зевса съ исполиномъ въ своихъ трагедіяхъ ²¹⁶). Въ глоссѣ Гесихія имя чудовища сопровождается про-

²¹⁴) Гемолль (стр. 164) ошибочно причисляетъ Рункена къ числу тѣхъ, которые подвергаютъ атетезѣ рассказъ о Тифонѣ. Изъ словъ Ильгена въ ук. м. видно, что таково было мнѣніе Рункена только въ пору его молодости, но что впоследствии онъ перемѣнилъ его въ обратномъ смыслѣ.

²¹⁵) Группе (стр. 531) указываетъ напр. на то, что *κκκϕ* въ стихѣ 354 должно быть относимо къ Пнеону, о которомъ въ послѣдній разъ говорилось за 49 стиховъ передъ симъ. Къ этому можно присоединить, что вдобавокъ это слово „*κκκϕ*“, очевидно, неправильно и должно быть измѣнено, какъ замѣтилъ уже Гроддекъ, въ „*κκκϕ*“.

²¹⁶) *Prom.* 353; *Sept. adv. Th.* 474.

стымъ эпитетомъ γηγενής ²¹⁷⁾. У Аполлодора ²¹⁸⁾ также мать Тифона — Гея, рождающая его въ гнѣвѣ за умерщвление гигантовъ. Вторую версію сказанія находимъ въ схоліяхъ къ „Иліадѣ“ (II, 783). По словамъ схоліаста Тифонъ произошелъ изъ двухъ яицъ, оплодотворенныхъ сѣменемъ Кроноса. Яйца эти взяла у Кроноса Гера и въ гнѣвѣ на Зевса высидѣла ихъ въ Аримскихъ горахъ. Гнѣвъ же Геры былъ вызванъ и раздуть навѣтами Геи, желавшей чрезъ нее отмстить Зевсу за умерщвление гигантовъ. Стало быть, появленіе Тифона на свѣтъ по этому мнѣю есть, такъ сказать, дѣло обѣихъ богинь, и гнѣвъ Геры — отнюдь не первая и не единственная причина рожденія чудовища. Наконецъ въ третьей и послѣдней формѣ сказаніе является кромѣ нашего Гомера у Стесихора ²¹⁹⁾, который въ полномъ согласіи съ гимномъ признаетъ Тифона за дѣтище одной Геры, зачавшей стоглаваго исполина безъ Зевса (μόνη) и на зло ему. Эта генеалогія разрываетъ уже связь Тифона съ гигантами и лишаетъ эпизодъ о борьбѣ его съ Олимпійцами того значенія, какое этотъ эпизодъ несомнѣнно имѣлъ въ древнѣйшей еогоніи и сохранилъ въ образовательныхъ искусствахъ въ качествѣ одного изъ звеньевъ долгой гигантомахіи. Что же касается роли Пифона, являющагося въ нашемъ стихотвореніи иѣстуномъ дѣтища Геры, то и это опять таки черта несомнѣнно поздняя, составляющая по всей вѣроятности домысль самого гимнографа ²²⁰⁾.

Въ недавнее время было высказано предположеніе, что фрагментъ, нами сейчасъ рассмотрѣнный, долженъ быть отнесенъ къ началу дѣлійскаго гимна, въ концѣ котораго съ другой стороны слѣдуетъ допустить отсутствіе необходимо требуемаго въ такомъ случаѣ контекстомъ разсказа о борьбѣ Тифона съ Летоидомъ. Весь дѣлійскій гимнъ такимъ образомъ по мнѣнію автора этой гипотезы (Группе) можетъ быть возстановленъ по слѣдующему плану: а) ужасное чудовище, во столько разъ сильнѣйшее Зевса, во сколько Зевсъ былъ сильнѣе Кроноса, угрожаетъ Олимпу; б) по указанію Геи, своего спасенія боги должны ожидать отъ могу-

²¹⁷⁾ Τυφὼν δὲ θεὸς τις γηγενής ἐναντιωθεὶς τῷ βασιλεὶ τῶν θεῶν.

²¹⁸⁾ I, 6, 3.

²¹⁹⁾ Etym. M. 772, 43.

²²⁰⁾ По справедливому замѣчанію Группе „dass Typhaon von dem delphischen Ungeheuer genährt wurde, ist eine Tradition, die höchst wahrscheinlich nur auf unserer Stelle beruht“ (ук. соч. стр. 531).

чаго сына Латоны и Зевса; в) поэтому Тифонъ преслѣдуетъ Латону, и въ страхѣ передъ исполиномъ всѣ земли отказываются дать ей пристанище для разрѣшенія отъ бремени; г) только Делось, прельстившись заманчивыми обѣщаніями богини, соглашается принять скиталицу; д) Гера, мать Тифона, задерживаетъ Илию на Олимпѣ, и оттого роды мучительны; но вотъ они приходятъ къ благополучному концу, и Аполлонъ въ полномъ вооруженіи выходитъ изъ лона матери; е) онъ подстерегаетъ чудовище и мѣткою, незнающею промаховъ стрѣлою наноситъ ему смертельный ударъ; все такимъ образомъ приходитъ въ прежній порядокъ и Зевсъ возстанавливается въ своихъ правахъ ²²¹⁾.

Противъ такой реставраціи прежде всего можно возразить, что ни въ одномъ изъ нашихъ источниковъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на борьбу Аполлона съ Тифономъ. Группе вымышляетъ цѣлый мнѣшескій эпизодъ на единственномъ основаніи сомнительной и шаткой аналогіи нашего мифа съ мифами финикійскими и египетскими. Мы знаемъ напротивъ, что на греческой почвѣ Тифонъ есть прямой врагъ Зевса, и ни кому другому, какъ именно Зевсу, преданіе всегда приписывало заслугу умерщвленія этого чудовища. Нужды нѣтъ, что оно во столько разъ сильнѣе своего противника, во сколько и самъ Зевсъ былъ сильнѣе свергнутаго имъ Кроноса, — дѣло не въ грубой силѣ, а въ умѣнii и ловкости, съ которыми владыка безсмертныхъ и смертныхъ успѣваетъ одолѣть даже и сильнѣйшаго врага. И въ самомъ дѣлѣ у Гесіода, съ которымъ между прочимъ, какъ показалъ Виндишъ ²²²⁾, авторъ разбираемаго фрагмента имѣетъ немало общаго, нѣтъ ни единого слова о какихъ бы то ни было посредникахъ и помощникахъ въ борьбѣ Олимпійца съ Тифономъ. Странно предполагать, что въ занимающемъ насъ стихотвореніи могло быть иначе. Съ другой стороны ни чѣмъ нельзя мотивировать то необыкновенное искаженіе первоначальной редакціи гимна, какое допускаетъ Группе: вырвать изъ общей связи одну изъ существеннѣйшихъ частей цѣлаго, превратить эту необходимую въ экономіи всего произведенія часть въ какой то лишній приростокъ и затемнить такимъ образомъ содержаніе піесы, — признаюсь, для меня совершенно непонятно, какъ все это могло произойти, даже въ томъ предположеніи, что традиціонный текстъ долженъ былъ под-

²²¹⁾ Gruppe op. l. p. 524—534.

²²²⁾ Windisch De hymnis Homericis majoribus, p. 18.

Древнегреческіе, Гомерическіе гимны.

вергаться въ изустной передачѣ рапсодами самой безпощадной порчѣ. Немыслимо, чтобы столь важная черта, какъ преслѣдованіе Латоны и ея плода Тифономъ, а затѣмъ борьба новорожденнаго бога съ стога-вымъ исполиномъ, затерялась въ воспоминаніяхъ народныхъ пѣс-не-слагателей безслѣдно, не оставивъ по себѣ никакого отклика у позд-нѣйшихъ мнѳографовъ.

Итакъ мы вправѣ различать въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону по крайней мѣрѣ три отдѣльныя части: а) гимнъ къ дельскому божест-ву, б) гимнъ къ божеству пифійскому и с) отрывокъ какого то бео-гическаго стихотворенія въ духѣ гесиодовой поэзіи. Но не скроемъ отъ себя, что и такое расчлененіе не можетъ вполне удовлетворить читателя, и немудрено, если изслѣдователи зачастую поддаются иску-шенію распространить принципъ *utendi et secandi* и на болѣе крайніе предѣлы. Скажемъ нѣсколько словъ о попыткахъ этого рода.

Во главѣ реставраторовъ названной категоріи слѣдуетъ поставить Гроддека. По мнѣнію этого ученаго нашъ гимнъ, благодаря невѣ-жеству и небрежности списателей, превратился въ конгломератъ пяти различныхъ фрагментовъ, если при этомъ еще не считать стт. 14—18, въ концѣ Гроддекъ видитъ *epiphonema* какого то гимна въ честь Латоны. Вотъ эти фрагменты: 1) стт. 1—13, — начало или вообще какая то частица стихотворенія, въ которомъ повѣствовалося о при-нятіи Аполлона въ божескую среду; 2) стт. 19—178, — лишенная, быть можетъ, только одного вступленія, въ прочемъ же мало повре-жденная пѣснь о рожденіи Фэба на островѣ Делосѣ; 3) стт. 179—206, — отрывокъ, прославляющій того же бога, какъ главу хора Музъ; 4) стт. 207—387 и 5) стт. 388—546, — двѣ опять таки мало поврежденные пѣсни во славу Аполлона дельфійскаго (пифійскаго) и Аполлона Дельфинійца²²³). Поводомъ къ такому раздѣленію для Грод-дека послужила „чрезвычайная разность въ содержаніи и языкѣ“ стихо-творенія (*mira argumenti diversitas, cum vario sermonis ornatu et colore conjuncta*), — разность, ближайшимъ образомъ однако имъ неразъяс-ненная. Шесть лѣтъ спустя Фр. Хр. Маттіэ (старшій) сдѣлалъ новый шагъ на томъ же пути дробленія гимна. Въ статьѣ своей „*Einige Vorschläge zu Verbesserungen im Homerischen Hymnus auf Apollo*“

²²³) Groddeck De hymn. hom. reliquiis, p. 29 sqq., p. 76.

(Progr. Grünstadt, 1792) онъ доказывалъ, что такъ назыв. аполлоновъ гимнъ есть въ сущности „рапсодія, состоящая изъ восьми фрагментовъ различныхъ гимновъ, изъ коихъ затѣмъ въ свою очередь должны быть выдѣлены нѣкоторыя частью довольно объемистыя вставки“. Точку зрѣнія названныхъ ученыхъ раздѣлили Г. Германнъ, Лерсъ и Шнейдевинъ. По мнѣнію Германа переписчикъ, которому мы обязаны нынѣшней редакціею разсматриваемаго стихотворенія, имѣлъ передъ собою четыре различныхъ аполлоновыхъ гимна съ четырьмя сходными и лишь въ мелочахъ расходившимися вступленіями и, чтобы не повторяться, соединилъ эти послѣдніе въ одно общее для всѣхъ гимновъ ²²⁴). Лерсъ усмотрѣлъ въ произведеніи Гомерида шесть отдѣльныхъ частей (не считая при этомъ стт. 14—18, 179—181, принимаемыхъ имъ за интерполяціи), такъ что все оно въ его глазахъ представляетъ родъ молитвенника, составленнаго для употребленія въ кругу рапсодовъ ²²⁵). Стихамъ 1—13, 19—24, 182—206, 207—213 Лерсъ приписалъ значеніе цѣльныхъ и законченныхъ самостоятельныхъ гимновъ. Также или почти также взглянулъ на стихотвореніе и Шнейдевинъ, разбившій его на пять полныхъ гимновъ (къ Аполлону *ἔχαιος*, къ Латонѣ, къ Ап. дѣійскому, къ Ап.-кнеаристу, къ Ап. пивійскому) и одинъ фрагментъ (стт. 20, 21,—по предположенію Шнейдевина, изъ гимна къ Ап.-*νόμιος*) ²²⁶). Менѣе подробно дѣленіе Вегенера, который выкраиваетъ изъ нашего стихотворенія три гимна: для перваго (А) содержаніемъ служитъ основаніе аполлонова оракула въ Пивонѣ, для втораго (В)—рожденіе бога на островѣ Делосѣ, а для третьяго (С)—водвореніе критянъ въ Дельфахъ ²²⁷). Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть объ эклектической попыткѣ Христенсена (Christensen De h.

²²⁴) Hermann Epist. ad Ilgen. XXVII sqq.

²²⁵) Lehrs Populäre Aufsätze aus dem Alterthum (Leipz. 1856), стр. 234 слл. „Ist es richtig“, говоритъ онъ здѣсь, „dass wir hier eine Sammlung von Apollohymnen haben, so kann man das als eine Art Rhapsodenbrevier ansehen: man kann annehmen, die Aufzeichnung geschah anfänglich für die Rhapsoden: Anfangsverse und Schlussverse, *χαῖρε* u. s. w., wurden unordentlich geschrieben, entweder ein für allemal oder vielemal, oder auch man überliess das dem Rhapsoden“. Къ Лерсу примкнулъ въ недавнее время О. Зеекъ (ук. выше соч., стр. 382 сл.).

²²⁶) Schneidewin Die homerischen Hymnen auf Apollon. Götting. 1847. См. общую схему на стр. 48 слл.

²²⁷) Wegener Die homerischen Hymnen auf Apollo. Philolog. 1876 (Bd. XXXV), стр. 217—226. Вегенеръ реконструируетъ гимнъ въ слѣдующемъ видѣ:

in Apollinem hom. Kiliae 1876), которая нашла сторонника въ лицѣ Абеля, принявшаго снова восьмеричное дѣленіе ²²⁸).

Останавливаться на каждомъ изъ этихъ предположеній мы не будемъ. Скажемъ только, что, если и дѣйствительно разсматриваемое стихотвореніе есть нѣчто въ родѣ молитвенника, какъ выразился Лерсъ, то во всякомъ случаѣ рука діаскеваста сумѣла настолько измѣнить его первоначальную форму, сумѣла придать сборнику настолько цѣльный видъ, что врядъ ли уже теперь возможно путемъ расчлененій, подобныхъ вышеописаннымъ, добиться какихъ либо положительныхъ результатовъ. Если же обратимся къ частностямъ, то многіе доводы и соображенія сепаратистовъ окажутся весьма несостоятельными. Такъ напр. почти всѣ они согласны въ томъ, что стт. 1—13 представляютъ сами по себѣ совершенно законченный гимнъ такого приблизительно типа, какъ № 5 нашего сборника, и связаны со всѣмъ послѣдующимъ лишь чисто внѣшнимъ образомъ ²²⁹). Однако положеніе это совсѣмъ не такъ неоспоримо, какъ многимъ кажется. Напротивъ стихи 1—13 органически соединены съ рассказомъ о рожденіи божества на островѣ Делосѣ, и еслибы отдѣлить ихъ отъ послѣдняго, то къ нему пришлось бы присочинить начало не иначе, какъ по ихъ же образцу. Лучшимъ доказательствомъ этого служить буквальное повтореніе заключающей весь отрывокъ формулы (*χαίρει δὲ τε πότνια Ἀητώ κτλ.*) дальше, въ ст. 126 сл.,—повтореніе, отнюдь не случайное и явно свидѣтельству-

A=v. 14—18, 2—13, 182—206, 214—230, 239—243, 277—304, 356—378; B=v. 47—80, 83—119, 135—136, 137—139, 141—143, 30—44, 144—178; C=v. 207—213, 210—546.

²²⁸) Удерживая въ своемъ изданіи установившееся со временъ Ильгена раздѣленіе всего стихотворенія на два гимна (делійскій и пнейскій), Абель въ каждомъ изъ нихъ усматриваетъ по четыре меньшихъ гимна, а именно: I. v. 1—13 полный гимнъ къ Ап. *Ἰχαιός*; II. v. 14—18 тоже къ Латонѣ; III. v. 30—139 поврежденный вначалѣ гимнъ о рожденіи Аполлона; IV. v. 140—175 фрагментъ гимна къ Ап. делійскому; V. v. 182—206 гимнъ къ Ап. *κρίστης*; VI. v. 19. 25—29. 208—238. 243. 244—304. 356—387 гимнъ въ честь Ап. пнейскаго въ соединеніи съ гимномъ къ Ап. *δρακοντοκτόνος*; VII. v. 305—355 эпизодъ о Тифонѣ; VIII. v. 388—546 исторія водворенія критянъ въ Дельфахъ.

²²⁹) Сторонниками этого мнѣнія являются Гроддекъ, Маттіэ, Лерсъ, Шнейдевинъ, Германнъ, Бюхелеръ и Абель. Буркгардтъ-Бидерманнъ полагаетъ, что ст. 1—13 первоначально составляли совершенно самостоятельный гимнъ, которымъ авторъ делійскаго гимна затѣмъ воспользовался, какъ прооціемъ для своего произведенія (*Der Homeridenhymnus auf den delischen Ap.* Basel. 1878, стр. 8).

ющее объ исконной связи вступительной сцены съ главнымъ содержаніемъ всей пѣсни. Столь смущавшій комментаторовъ переходъ отъ настоящаго времени къ прошедшему въ ст. 5 слл. не представляетъ ничего страннаго и необъяснимаго, — онъ можетъ быть оправданъ десятками аналогичныхъ примѣровъ ²³⁰). Съ другой стороны нельзя игнорировать и традицію: неизвѣстный авторъ разсказа о состязаніи Гесіода съ Гомеромъ приводитъ ст. 1 *μνίσσονται οὐδὲ λάθωμαι κτλ.* какъ начало несомнѣнно большого, а не малаго аполлонова гимна. Вообще, по справедливому замѣчанію Прима ²³¹), еслибы только захотѣли устранять изъ эпическихъ стихотвореній все то, что само по себѣ закончено и цѣльно, то не было бы границъ произволу.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ выдѣленіемъ стт. 182—206, какъ отдѣльнаго гимна въ честь Аполлона-киѳариста. Уже Франке замѣтилъ, что въ силу тѣсной связи гаданія и вѣдовства съ пѣніемъ и музыкой образъ Аполлона-киѳариста какъ нельзя болѣе умѣстенъ во вступленіи къ пѣсни, посвященной учрежденію оракула. Къ этому Кизель прибавляетъ, что именно въ Дельфахъ занятія музыкою всегда процвѣтали, благодаря вліянію аполлонова культа ²³²), и мы знаемъ дѣйствительно, что и самое возникновеніе пѣзана, этой главной формы священныхъ аполлоновыхъ пѣснопѣній, въ мнѣѣ связывалось непосредственно съ исторіею умерщвленія Пиеона и основанія дельфійскаго святилища ²³³). Нѣтъ, стало быть, ничего мудренаго, если гимнодъ, прославлявшій божество мантики, вздумалъ упомянуть при этомъ вскользь и о его музыкальной функціи. Не лишень также значенія и другой моментъ. Выше было указано на параллелизмъ въ подробностяхъ и общемъ планѣ обѣихъ половинъ занимающаго насъ произведенія. Если существованіе этого параллелизма не фантазія, а признанный фактъ, и если стт. 1—13 на своемъ мѣстѣ во главѣ дельскаго гимна, то и стихамъ 182—206, которые по содержанію, формѣ и общему характеру имъ точнѣйшимъ образомъ соотвѣтствуютъ, нѣтъ другого мѣста, какъ именно во главѣ гимна пиеійскаго, гдѣ они и находятся.

²³⁰) См. Ilgen p. 191 sq.; Matthiae Animadvv. ad l.

²³¹) Priem o. c. p. 5.

²³²) Kiesel De hymno in Ap. hom. Coblenz. 1835. стр. 83.

²³³) Roscher's Ausführl. Lexicon der griech. u. röm. Mythol., стр. 435. Th. Schreiber Apollon Pythoktonos, стр. 17 (и тамъ же прим. 44).

Есть впрочемъ и инныя основанія, въ силу которыхъ слѣдуетъ на мой взглядъ воздержаться отъ дробленія нашего гимна болѣе, нежели на три упомянутыя части. Мнѣ кажется неподлежащимъ сомнѣнію, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онъ, не смотря на многія искаженія, порчи, пробѣлы и иные недостатки, обнаруживаетъ все таки довольно ясно нѣкоторую правильность строенія. Эту правильность уловить и выразить схемою терпандрова нома удалось О. Крузіусу²³⁴). Слѣдуя ему, мы повидиму вправѣ усматривать въ первой половинѣ стихотворенія всѣ семь членовъ нома, а именно: 1) широкое двучленное вступленіе (стт. 1—13, 14—18 ἀρχή и μεταρχή); 2) переходъ отъ вступленія къ главной части гимна, начинающійся фигурою реторическаго вопроса (ἀπορία) и также раздѣленный на два члена (стт. 19—24, 25—29 κατὰ τροπή, μετακατὰ τροπή); 3) такъ наз. ὁμολόγος, заключающій въ себѣ изложеніе мѣта о рожденіи бога (стт. 30—164); 4) отмѣченную субъективнымъ впечаткомъ σφραγίς (стт. 165—176); 5) ἐπίλογος (ст. 177 сл.)²³⁵). Подобнымъ же образомъ, хотя и менѣе богато, расчленяется и вторая половина гимна: стт. 182—206 ἀρχή, 207—215 κατὰ τροπή, 216—544 ὁμολόγος, 545 сл. ἐπίλογος (σφραγίς отсутствуетъ). Выходитъ слѣдовательно, что, не смотря на свой пестрый видъ, рассматриваемое произведеніе Гомеридовъ претендуетъ на бѣольшую цѣлостность и стройность, нежели какую готово признать за нимъ большинство изслѣдователей; ибо нѣтъ основанія думать, что номическое дѣленіе, примѣняемое къ нему Крузіусомъ, представляетъ для него нѣчто внѣшнее, навязанное ему однимъ изъ позднѣйшихъ діаскевастовъ.

Чтобы покончить съ формальною стороною вопроса, остается сказать о языкѣ гимна.

Нужно прежде всего вообще замѣтить, что по степени близости къ языку Гомера наше стихотвореніе занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Его діалектъ отличается большою чистотою, и попытка Фика на основаніи немногихъ локальных особенностей (въ родѣ ст. 30 δῆμος Ἀθηναίων, ст. 46 οἰεῖ, ст. 151 ἀγῆρωος; съ другой стороны — ст.

²³⁴) Wochenschr. für klass. Philologie. 1885, № 41, столб. 1299 сл. Также Litterarisches Centralbl. 1887. № 46.

²³⁵) Раньше Крузіуса высказалъ предположеніе о воздѣйствіи номическихъ формъ на строеніе аполлонова гимна Буркгардтъ-Бидерманнъ (о. с. р. 9 sq.), но онъ принялъ за основаніе ошибочную схему Вестфала.

262 οἰκείων, ст. 278 ὀβριστηῶν etc.) установить рѣзкую грань между первою и второю частью его не может считаться удавшеюся. Число негомерических словъ и оборотовъ, если принять во вниманіе размѣры стихотворенія, не весьма значительно (около сотни, притомъ шесть гесіодическихъ); за то въ немъ насчитываютъ болѣе пятидесяти стиховъ, цѣликомъ или лишь съ малыми отступленіями, заимствованныхъ у Гомера. Особенно многочисленны такіа заимствованія въ послѣдней части пифійскаго гимна (стт. 388—546): здѣсь содержится 23 гомерическихъ стиха при 59 негомерическихъ реченіяхъ. Наименѣе замѣтна гомерическая окраска въ эпизодѣ о Тифонѣ, гдѣ за то есть гесіодическіе элементы. Такъ ст. 335=Theog. v. 648. 630. 621. 564; ст. 341=Theog. 693; ст. 344=Oper. 51. 767; ст. 351 сл.=Theog. 295; ст. 374=Oper. 412. Слѣды дигаммы чаще въ пифійскомъ гимнѣ, нежели въ дѣлійскомъ, гдѣ употребленіе этого консонанта почти исключительно ограничивается областью гомерическихъ формулъ. Свойственное языку гомеровыхъ пѣсенъ обыкновение продолжать гласную передъ плавною также встрѣчается въ нашемъ стихотвореніи весьма рѣдко (13 разъ) и также во второй его половинѣ чаще, нежели въ первой²³⁶).

Изъ метрическихъ особенностей главнѣйшая, которую мы здѣсь отмѣтимъ,—это обиліе спондеическихъ стиховъ (versus spondiaci), количество которыхъ доходитъ до 57. Одинъ спондеическій стихъ приходится, стало быть, на 9—10 дактилическихъ,—отношеніе, вдвое болѣе, нежели у Гомера, гдѣ оно выражается цифрами 1:18/20. Число стиховъ со спондеемъ въ третьей стопѣ еще значительнѣе (126). Четыре спондея въ одномъ стихѣ встрѣчаются 8 разъ, пять спондеевъ—одинъ разъ²³⁷).

* *
*

²³⁶) О языкѣ гимна и степени его близости къ Гомеру см. Windisch op. l. p. 5, 11, 17 sqq.; Eberhard Die sprache der ersten hom. Hymnen, I p. 3 sq., 18 sq.; о дигаммѣ: Hoffmann Quaest. hom. II, p. 186 sq.; Köhn Quaest. metr. et gramm. (Halle. 1865) p. 11 sq.; Flach Das nachhesiod. Digamma, стр. 29 сл. (и passim); Fick Die urspr. Sprachform der hom. Hymnen, стр. 196 сл.; Eberhard Metr. Beobachtungen zu d. hom. Hymnen, II, стр. 14 сл.

²³⁷) Eberhard, Metr. Beob., I стр. 3 сл.; Ludwig Aristarchs hom. Textkritik, I, стр. 309, 328. Число спондеическихъ стиховъ въ гимнѣ къ Гермесу=38 (1:15), въ г. къ Афродитѣ=28 (1:10), въ г. къ Деметрѣ=65 (1:8).

Замѣтное отличіе аполлонова гимна отъ другихъ стихотвореній гомерической коллекціи состоитъ въ присутствіи личнаго элемента: поэтъ, воздавъ подобающую хвалу божеству, обращается къ служительницамъ его культа и вспоминаетъ о тѣхъ великолѣпныхъ празднествахъ, въ которыхъ и самъ онъ, бѣдный хіосскій слѣпецъ, неразъ принималъ вмѣстѣ съ ними участіе и всегда имѣлъ громкій успѣхъ. Онъ проситъ сладкогласныхъ дѣйскихъ дѣвъ не забывать его и въ свою очередь общается имъ разнести славу ихъ искусства повсюду, куда только заброситъ его жребій бродячаго барда.

Это прекрасное, полное чувства, достоинства и наивности мѣсто рано обратило на себя вниманіе, и Оукидидъ, ссылаясь въ своей исторіи (III, 104) на стихи 146 — 150, 165 — 172 нашего гимна, не обинуясь приписываетъ ихъ Гомеру, котораго преданіе также знало слѣпымъ пѣвцомъ съ острова Хіоса. Конечно историкъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ лишь давно установившемуся мнѣнію толпы, согласно съ которымъ Гомеру приписывали рассматриваемое стихотвореніе и другіе древніе писатели, какъ-то: Аристофанъ (Av. v. 575), Элій Аристидъ (II p. 559 ed. Dindorfii), неизвѣстный составитель повѣсти о состязаніи поэтовъ, Павсаній (X, 37, 5), Аэней (I p. 22 c) и Стефанъ византійскій (s. v. *Τεομῆσος*), заимствовавшій свою глоссу у Геродіана ²³⁸). Только схолии къ Пиндару указываютъ намъ на иного автора, именно на хіосскаго рапсода Кинэа, дѣйствовавшего въ Сиракузахъ около 69 ол. (Schol. Pind. Nem. II, 1); но свидѣтельство схолиаста стоитъ одиноко и не можетъ поколебать значеніе традиціи, успѣвшей крѣпко связать аполлоновъ гимнъ съ громкимъ именемъ старѣйшаго изъ греческихъ эпиковъ и такимъ образомъ освятившей его авторитетомъ глубокой древности.

Что аполлоновъ гимнъ дѣйствительно восходитъ къ весьма отдаленной порѣ, на то впрочемъ есть и инныя указанія. Разумѣется, при этомъ нужно различать между его составными частями, изъ коихъ за первую уже по одному тому должно быть признано старшинство, что она несомнѣнно послужила образцомъ для второй. Въ общемъ однако слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ Бергга, который полагалъ, что во времени возникновенія во всякомъ случаѣ обѣ половины стихотворенія

²³⁸) Guttman op. I. p. 36.

не очень далеко отстоять одна отъ другой ²³⁹). Самою младшею частью, быть можетъ, должно считать эпизодъ о Тифонѣ. Опираясь на Etymol. M. p. 772, l. 50, Маттіэ ²⁴⁰) принималъ за terminus a quo для этого эпизода время дѣятельности Стесихора, т. е. ол. 40 — 50, и такая дата мнѣ кажется весьма вѣроятною.

Однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ внутреннихъ основаній, которыя говорятъ въ пользу значительной древности такъ наз. дѣійскаго гимна, служить простота его фабулы. Многія подробности, разукрасившія впоследствии популярный миѳъ о рожденіи Аполлона, повидимому, автору нашего стихотворенія еще неизвѣстны. Такъ, во первыхъ, онъ ни словомъ не поминаетъ о ревности Геры, какъ о причинѣ скитаній беременной Латоны. Изъ контекста скорѣе можно заключить, что только страхъ предъ новымъ грознымъ божествомъ, а не иное какое либо побужденіе, служить препятствіемъ къ водворенію его культа въ тѣхъ мѣстахъ, куда обращается богиня: „Λίην γάρ τινά φασιν ἀπόσθαλον Ἀπόλλωνα ἔσσεσθαι“, говоритъ ей Делось: „μέγα δὲ προτανεύσεμεν ἀθανάτοισιν καὶ θνητοῖσι βροτοῖσι“ (ст. 67 сл.). Этотъ страхъ, это нерасположеніе къ новому культу — черта знаменательная и, какъ я полагаю, еще не отмѣченная съ должнымъ вниманіемъ. Въ ней какъ бы слышенъ отголосокъ той борьбы аполлонова служенія съ служеніемъ старѣйшимъ богамъ болѣе ранняго періода, которая между прочимъ нашла для себя столь художественное выраженіе въ эсхиловыхъ „Эвменидахъ“. Что же касается роли Геры, то по справедливому замѣчанію Прима ²⁴¹) она не отличается отъ той, которую играетъ супруга Зевса и въ „Иліадѣ“ (XIX, 119) при родахъ Алкмены: Гера удерживаетъ на Олимпѣ Илию и этимъ замедляетъ разрѣшеніе героини отъ бремени. Не упоминаетъ также далѣе нашъ гимнографъ и о близнецномъ отношеніи между Аполлономъ и Артемидою. Правда, онъ знаетъ Артемиду, какъ дочь Латоны и сестру Аполлона, и въ своей молитвѣ къ послѣднему призываетъ наряду съ нимъ и ее (ст. 165), но мѣстомъ рожденія ея считаетъ не Делось, а Ортигію (ст. 16), явно противопологаемую

²³⁹) Bergk LG. I, стр. 759. Особнякомъ стоитъ мнѣніе О. Зеека (ук. м.), который считаетъ древнѣйшею частью памятника гимнъ къ пелійскому Аполлону, т. е. въ его реконструкціи стт. 207—304, 356—539, 545, 546.

²⁴⁰) Matthiae Animadv. p. 33.

²⁴¹) Priem op. l. p. 22.

имъ Делосу ²⁴²), и вообще въ своемъ разсказѣ говорить о ней только вскользь, мимоходомъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи онъ сходится съ Гомеромъ, для котораго тоже Аполлонъ и Артемида совсѣмъ не такая неразлучная божеская пара, какою они являются у позднѣйшихъ поэтовъ и мифографовъ ²⁴³).

Но, если простота фабулы вообще свидѣтельствуешь о почтенной древности разсматриваемаго поэтического памятника, если далѣе упоминаніе Ириды, какъ божеской посланницы, вмѣсто Гермеса, къ которому, какъ извѣстно, перешла впоследствии эта ея функція, также кладеть на стихотвореніе отпечатокъ архаичности ²⁴⁴), — то существуютъ признаки, на основаніи которыхъ можно пойти и дальше и отважиться на болѣе частное хронологическое опредѣленіе времени возникновенія дѣйсскаго гимна.

Въ числѣ произведеній Пиндара до насъ дошелъ фрагментъ одного просодія, написаннаго имъ нѣкогда для кейцевъ. Въ этомъ просодіи рассказывалось между прочимъ, какъ сперва Делосъ носился по морскимъ волнамъ по волѣ вѣтровъ, не имѣя постоянного и опредѣленнаго мѣста среди другихъ острововъ, и какъ потомъ, когда вступила на него беременная Латона, былъ онъ прикрѣпленъ къ морскому дну четырьмя могучими колоннами ²⁴⁵). Безъ сомнѣнія мифъ этотъ, обязанный своимъ происхожденіемъ этимологін названія Δῆλος ²⁴⁶), могъ возникнуть задолго до Пиндара, но въ литературѣ получилъ художественную обработку впервые, кажется, только благодаря этому поэту, который и положилъ основаніе его популярности ²⁴⁷). Стало быть, если

²⁴²) Отождествлять въ нашемъ мѣстѣ Ортигію съ Делосомъ, какъ дѣлають это вслѣдъ за схолиастомъ толкователи по отношенію къ Od. V, 123; XV, 403, на мой взглядъ невозможно. Этому противится прямой смыслъ текста и грамматическое строеніе фразы, въ которой частицами μέν — δέ ясно выражено, что имѣются въ виду два совершенно различныхъ географическихъ пункта. Впрочемъ и въ „Одиссеѣ“ (въ прив. мм.) врядъ ли рѣчь идетъ о Делосѣ. См. Preller Mythol. 2, I, 229.

²⁴³) Близнечность Аполлона и Артемиды повидимому неизвѣстна Гомеру. Я не вижу также прямого указанія на нее и у Гесіода Theog. v. 918 sqq.

²⁴⁴) На это впервые указалъ Mattihæ l. l.

²⁴⁵) Bergk Poetae lyriçi 3, I frgm. 65.

²⁴⁶) Etym. M. s. v. Δῆλος: κεκοιμένην ἀδτὴν ἐν τῇ θαλάσσῃ Ζεὺς δῆλῃν ἐποίησεν, ὅτι ἐξ ἀδῆλου ἐρρίζωθη.

²⁴⁷) Schol. Od. XX, 3: οἷον δὲ τι καὶ περὶ τὴν Δῆλον ἱστορεῖ Πίνδαρος, λέγων οὕτως: ἦν γὰρ τὸ παλαιὸν φορητὰ κομάττεσσι Δᾶλος παντοδαπῶν ἀνέμων ῥιπαίς. Срав.

въ нашемъ гимнѣ нѣтъ никакого намека на установленную Пиндаромъ версію преданія, то это вѣрно свидѣтельствуешь о томъ, что и возникъ онъ до Пиндара, т. е. до 70 ол. Далѣе, — Оукидидъ (I. I.) сообщаетъ, что аѳиняне, предпринявъ въ 426 г. до Р. X. (ол. 88, 3) очищеніе Делоса, возстановили существовавшія когда то встарь (τὸ πάλαι) на этомъ островѣ и затѣмъ прекратившіяся гимнастическія и музическія состязанія. Прекратились эти состязанія повидимому очень давно, — такъ давно, что самая память о нихъ въ оукидидово время уже успѣла изгладиться. Повидимому ихъ не было уже и при Писистратѣ, который, по словамъ того же Оукидида (I. I.) и Геродота (I, 64), также подвергалъ островъ очищенію и притомъ именно ту часть его, гдѣ имѣли мѣсто священныя игры. Между тѣмъ въ делійскомъ гимнѣ поэтъ говоритъ о нихъ, какъ объ учрежденіи ему современномъ и хорошо извѣстномъ, слава котораго прогремѣла по всѣмъ іонійскимъ городамъ, откуда ко дню празднествъ на Делосъ устремляются толпы іонянъ съ женами и дѣтьми. Выходить, слѣдовательно, что стихотвореніе было написано задолго до прекращенія агона, другими словами — задолго до эпохи Писистрата (ол. 55). Съ другой стороны, если вѣрно то, что въ основаніи его строенія лежитъ схема терпандрова нома, то, разумѣется, оно не могло возникнуть раньше того времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Терпандръ. Такимъ образомъ мы получаемъ два крайнихъ предѣла, въ промежуткѣ между которыми заключается интересующая насъ дата, — именно ол. 26 (676 — 3)²⁴⁸) и ол. 55 (560 — 557) или по крайней мѣрѣ ол. 70 (500 — 497). Составитель делійскаго гимна въ честь Аполлона жилъ, стало быть, во второй половинѣ VII или въ самомъ началѣ VI ст., — значить, былъ современникомъ Алкѣя и

Senec. Qu. Nat. VI, 26: Hanc (Delum) philosophi quoque credula natio dixerunt non moveri auctore Pindaro. Также Strab. X, 485; Philo de corrupt. mundi p. 961 (ed. Francof. a. 1691); Serv. ad Virg. Aen. III, 75.

²⁴⁸) Вопросъ о томъ, когда жилъ Терпандръ, принадлежитъ къ числу весьма спорныхъ. Источники даютъ на этотъ счетъ самыя противорѣчивыя показанія. Такъ Евсевій относитъ его дѣятельность къ 36 ол., паросская хроника — къ 33 или 34 ол., тогда какъ Геронимъ, Главкъ, Проклъ устанавливаютъ для нея несравненно болѣе раннія даты. Мы приняли хронологію Гелланика, который сообщаетъ, что имя Терпандра стояло первымъ въ спискѣ побѣдителей на карнейскихъ празднествахъ, учрежденіе которыхъ по Сосибію относится къ 26 ол. См. Flach. Lyrik, стр. 190 сл.; Sittl LG. I, стр. 287; Westphal Gesch. d. Musik, стр. 64 сл. 71 сл.

Сапфо ²⁴⁹). Его родиною ²⁵⁰) былъ Хиосъ, мѣстопробываніе Гомеровъ, къ которымъ по всей вѣроятности онъ принадлежалъ. Что же касается его имени, то оно намъ неизвѣстно: хронологія не позволяетъ думать ни о Гомерѣ ²⁵¹), ни о Кинэѣ ²⁵²).

Немного болѣе поздною датою опредѣляется повидимому время возникновенія другой половины нашего памятника, — гимна пифійскаго. Правда, текстъ его бѣденъ такими данными, которыя позволяли бы судить объ этомъ съ полною увѣренностью, и въ концѣ концовъ необходимо признаться, что дѣло все таки рѣшается главнымъ образомъ на основаніи общаго впечатлѣнія, производимаго на читателя стихотвореніемъ со стороны его формы и способа обработки сюжета.

²⁴⁹) См. Matthiae Anim. p. 22 sqq.; Priem op. l. p. 22 sq. Фоссъ (Mythol. Forsch. I, стр. 108), Бергъ (LG. I, стр. 754) и Фикъ (Urspr. Sprachform, стр. 201) относятъ гимнъ къ 30 ол.; Флахъ (Lyrik, стр. 95) полагаетъ, что онъ былъ составленъ много времени спустя послѣ Алкмана, т. е. послѣ возникновенія дорической хоровой лирики; по мнѣнію Мьюра наиболѣе вѣроятную дату для него представляетъ вѣкъ Писистрата, особенно де благоприятный для литературныхъ подѣлокъ, къ числу которыхъ принадлежитъ наше стихотвореніе (Critical history, II, стр. 329); Максъ Дункеръ напротивъ стоитъ за то, что дельскій гимнъ не могъ быть составленъ позже конца VIII стол., такъ какъ процвѣтанію Іоніи около 700 г. до Р. X. былъ нанесенъ тяжелый ударъ киммерійцами (Gesch. d. Alterth., V, 494, прим.), и Гемолль также придаетъ этому соображенію большой вѣсъ (Hymnen, стр. 118); наконецъ Абель, усматривающій въ первой половинѣ аполлонова гимна четыре отдѣльныя части, древнѣйшіе слои произведенія возводитъ, — главнымъ образомъ на основаніи данныхъ языка, — къ VII стол. (Hom. Hymni, p. 4).

²⁵⁰) Ilgen къ стиху 172 замѣчаетъ: „οἷόν τι non necesse est de inhabitatione soli natalis intelligi; potest aliquis alio loco natus esse, alio sedem rerum suarum figere“ (p. 242). Тѣмъ не менѣе я полагаю, что, называя Хиосъ, бродячій рапсодъ имѣлъ въ виду именно свою родину, а не случайное и временное мѣстопробываніе.

²⁵¹) Въ недавнее еще время Гиньяръ находилъ возможнымъ приписывать дельскій гимнъ Гомеру (Hignard Des hymnes hom., p. 220). О слѣпотѣ Гомера см. Sengibusch Dissert. Hom. II, p. 15.

²⁵²) Кинэѣ, по свидѣтельству схолий къ Пиндару, (Nem. II, 1) дѣйствовалъ въ Сиракузахъ въ 69 ол. Велькеръ (Er. Cycl., стр. 227 сл.) старается доказать, что послѣдняя дата испорчена, что вмѣсто κατὰ τὴν ἐξ ἡλικίας ἐννοεῖται 'Ολυμπιάδα въ схоліяхъ слѣдуетъ читать κατὰ τὴν ἔκτατον ἢ τὴν ἐννάτην и что Кинэѣ хіосскій и современникъ Арктина Кинэонъ лакедемонскій — одно и тоже лицо. Но см. Sittl стр. 196, Flach (Lyrik) стр. 95, Gemoll стр. 119, Mure (Critical history, II, стр. 264. Appendix H.) За Кинэомъ права на авторство признаетъ Фикъ (l. l.), которому недавно возражалъ Лудвигъ (Aristarch's Textkr. II, 374, 384 сл.). По Абелью (l. l.) Кинэѣ, котораго де во всякомъ случаѣ слѣдуетъ относить къ болѣе ранней порѣ, нежели ол. 69, могла принадлежать лишь переработка и интерполяція нѣкоторыхъ частей дельскаго гимна.

Тѣмъ не менѣе давно уже комментаторы отмѣтили нѣсколько чертъ, благодаря которымъ можно, кажется, установить по крайней мѣрѣ *terminum ad quem*. Такъ, во первыхъ, замѣчательно, что гимнографъ говоритъ о храмѣ, построенномъ по преданію Трофоніемъ и Агамедомъ, какъ о сооруженіи еще существующемъ, какъ о предметѣ хвалы и прославленія для грядущихъ поколѣній и, очевидно, ничего не знаетъ о пожарѣ, жертвою котораго сталъ этотъ знаменитый храмъ (по исчисленію Павсанія X, 5,13 — четвертый) въ архонтство Эрксихлида, въ 548 до Р. X. (58,1 ол.), послѣ чего амфиктіоны при посредствѣ архитектора Спинѳара воздвигли въ честь пифійскаго божества на средства священной казны новое святилище. По всей вѣроятности, еслибы катастрофа 548 г. автору гимна была извѣстна, то онъ такъ или иначе не преминулъ бы упомянуть о ней. Но вотъ другое обстоятельство, отодвигающее искомую дату еще дальше въ древность. Въ 586 г. до Р. X. (ол. 48,3), послѣ благополучнаго окончанія священной войны съ Киррою, амфиктіоны расширили программу искини существовавшаго въ Дельфахъ музыкаго агона, допустивъ къ состязанію наряду съ китародами авлетовъ и авлодовъ, и въ честь главнаго героя войны Эврилоха присоединили къ этому агону гимнастическія игры, превратившія пифійское празднество въ подобіе олимпійскаго. Къ довершенію сходства самый срокъ пифій былъ тогда же измѣненъ вмѣсто восьмилѣтняго на четырехлѣтній, а въ 582 г. въ кругъ игръ допущенъ состязательный бѣгъ на колесницахъ, поприщемъ для котораго послужила расположенная подъ дельфійскою горною террасою удобная и безопасная равнина ²³³). Однако ни о войнѣ съ Киррою, ни о пифійскомъ агонѣ въ гимнѣ нѣтъ ни слова, между тѣмъ какъ о послѣднемъ авторъ могъ бы упомянуть хотя бы только въ подражаніе составителю дельскаго гимна, посвящающаго прославленію хорическихъ и гимническихъ состязаній на островѣ Делосѣ около тридцати стиховъ. Мало того, подножіе Парнасса и прилегающую къ нему область Крисы по увѣренію нашего гимнографа Аполлонъ именно потому то и избралъ мѣстомъ своего оракула, что подобающая святилищу тишина тамъ не нарушается ни шумомъ колесницъ, ни топотомъ

²³³) Th. Schreiber op. l. p. 22; Krause Pythien, Nemeen, Isthmien (Halle. 1843), стр. 20, I; M. Duncker Gesch. d. Alterth. VI, стр. 83 сл.

и ржаньемъ быстроногихъ коней (ст. 261 сл.). Слова эти конечно не имѣли бы смысла, еслибы стихотвореніе возникло послѣ того, какъ программа пифійскихъ игръ расширилась введеніемъ ристаній, т. е. послѣ 582 г. (ол. 49,3).

Хронологическій предѣлъ, получаемый такимъ образомъ, находитъ для себя опору и въ другомъ соображеніи. Какъ сказано, поэтъ ничего не знаетъ объ эманципации Дельфъ отъ Крисы. Очевидно, зависимость храмоваго города отъ послѣдней была въ его время еще полная. Къ этому нужно прибавить, что самое названіе Δελφοί въ гимнѣ не встрѣчается ни разу, да и Криса упоминается вездѣ лишь подъ древнѣйшимъ своимъ именемъ. Отсюда Бергкъ справедливо заключилъ, что, если Кирра уже и существовала во времена гимнографа, то во всякомъ случаѣ мѣстная исторія была ему знакома достаточно хорошо, чтобы не впасть въ грубый анахронизмъ. „Κίρρα и Κρίσα, читаемъ у Бергка, явно, одно и тоже названіе. Съ тѣхъ поръ, какъ сношенія расширились, обитатели древней Крисы могли постепенно передвинуться по направленію къ близкой гавани, новый городъ могъ быть окрещенъ старымъ именемъ, — лишь въ нѣсколько измѣненной формѣ, Κρίσα могла придти почти въ полное запустѣніе, пока быстро процвѣтшая могущественная Κίρρα не подверглась въ священную войну совершенному разоренію“ ²³⁴).

Кто былъ авторомъ пифійскаго гимна?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Павсаній, Аэеней, Стефанъ византійскій и составитель пиндаровыхъ схолій знали это стихотвореніе уже какъ часть одного большаго аполлонова гимна ²³⁵), приписывавшагося въ ихъ времена то самому Гомеру, то кому либо изъ Гомеридовъ. Однако есть слѣды и иной традиціи. Въ схоліяхъ къ „Иліадѣ“ (II,

²³⁴) Bergk LG. I, стр. 759. — Крайняя дата, устанавливаемая на основаніи вышеприведенныхъ признаковъ, принята большинствомъ изслѣдователей. Только Маттіа относитъ гимнъ къ періоду времени между 83 и 88 ол. (Ani-madvv., p. 34). Франке (стр. 51), Кизель (стр. 122), Шёманнъ (Opusc. II, p. 370), Мьюръ (ук. соч. II, стр. 333) видятъ въ концѣ стихотворенія (ст. 542 сл.) намекъ на священную войну съ Киррою и потому ол. 49 считаютъ за terminus a quo. Напротивъ Дункеръ полагаетъ, что между составленіемъ гимна и священною войною протекало по крайней мѣрѣ десятилѣтіе (Gesch. d. A. V, 494, прим.).

²³⁵) См. между прочимъ Guttman De hymn. Hom. historia critica, p. 25, 29.

523) и у Евстаѳіа (ad l. c.) стихъ 241 нашего памятника цитируется съ именемъ Гесіода. Быть можетъ также, что и въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же схолій, гдѣ по поводу П. IX, 246 находимъ замѣтку: τὴν ὅλην Πελοπόννησον οὐκ οἶδεν ὁ ποιητής, Ἡσίοδος δέ, — опять таки имѣется въ виду пинейскій гимнъ, въ которомъ дѣйствительно названіе Пелопоннеса встрѣчается четыре раза (ст. 250, 290, 419, 430)²³⁶). Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить категорическое свидѣтельство древности о состязаніи Гомера и Гесіода на островѣ Делосѣ, — свидѣтельство, сохраненное въ пиндаровыхъ схоліяхъ, гдѣ приводится слѣдующій гесіодическій отрывокъ:

Ἐν Δῶλῳ τότε πρῶτον ἐγὼ καὶ Ὅμηρος ἀοιδοὶ
Μέλπομεν, ἐν νεαροῖς ὕμνοις ῥάψαντες ἀοιδῶν,
Φοῖβον Ἀπόλλωνα χρυσάρεον, ὃν τέκε Λητώ.

(Schol. Pind. Nem. II, I.)

Изъ этого отрывка явствуетъ, что во всякомъ случаѣ въ древности существовало два аполлоновыхъ гимна, изъ которыхъ одинъ приписывался Гомеру, другой Гесіоду, и нѣтъ ничего естественнѣе, какъ предположить, что оба они дошли до насъ въ томъ длинномъ стихотвореніи, которому посвященъ настоящій параграфъ. Въ самомъ дѣлѣ такое предположеніе могло бы объяснить намъ многое. Такъ, допуская, что пинейскій гимнъ возникъ въ школѣ Гесіода и представлялъ собою попытку какого нибудь бэотійскаго рапсода затмить своимъ искусствомъ Гомерида, составившаго знакомую намъ пѣснь въ честь дельйскаго божества, мы легко могли бы, во первыхъ, понять то замѣчательное соотвѣтствіе, которымъ отмѣчены оба произведенія. Мы объяснили бы себѣ тогда также, далѣе, и то, почему этотъ бэотійскій рапсодъ прошелъ молчаніемъ дельфійскія музыкаскія празднества, тогда какъ его соперникъ и образецъ удѣлилъ въ своемъ гимнѣ такое почетное мѣсто дельйскимъ: вѣрный направленію гесіодовой музыки, сказали бы мы, онъ могъ намѣренно умолчать о тѣхъ состязаніяхъ, въ которыхъ главная, если не исключительная, роль принадлежала не декла-

²³⁶) Догадка Бергга (LG. I, 759, прим. 44). Срв. однако Gemoll стр. 159 и 160 (къ соотв. ст.)

маторамъ и рассказчикамъ, а киеародамъ ²⁵⁷). Съ другой стороны многія особенности пнѣйскаго гимна получили бы въ нашихъ глазахъ новый смыслъ, приняли бы новое освѣщеніе. Зная напр. склонность бэотійскихъ поэтовъ-дидактиковъ къ этимологическому толкованію темныхъ божескихъ именъ и географическихъ названій, мы бы не удивлялись, встрѣчая и въ нашемъ стихотвореніи попытки такого толкованія при каждомъ удобномъ случаѣ (срв. ст. 371 сл., 385 сл., 494 сл.) Свойственная гимнографу манера нанизывать факты, не заботясь о единствѣ цѣлаго, напомнила бы намъ отрывочный характеръ гесіодическихъ произведеній, отличающихся разнообразіемъ фабулы и богатствомъ эпизодическихъ вставокъ, но вообще страдающихъ недостаткомъ цѣльности ²⁵⁸). Нѣкоторая сухость рассказа, чуждая эпической широковѣщательности, также какъ нельзя болѣе подошла бы къ тому представленію, которое мы имѣемъ о стилѣ локуро-бэотійской поэтической школы. Наконецъ, чтобы не упустить ничего, слѣдуетъ замѣтить, что и самое содержаніе пнѣйскаго гимна цѣликомъ заимствовано изъ круга мѣстныхъ бэотійскихъ преданій и что искони Гесіодъ и его послѣдователи находились въ ближайшемъ отношеніи къ дельфійскому оракулу, учрежденіе котораго составляетъ основную тему стихотворенія ²⁵⁹).

Существуютъ однако и отрицательныя инстанціи, которыя не должны и не могутъ игнорировать изслѣдователь. Начать съ того, что, какъ сказано выше, присутствіе локальных бэотійскихъ отличій въ языкѣ гимна не доказано. Блестящая критика Лудвиха показала, насколько несостоятельна была попытка Фика возстановить прежнюю языковую форму этого памятника, составленнаго будто бы первоначально на мѣстномъ сѣверно-греческомъ нарѣчій ²⁶⁰). Кромѣ того число гесіоди-

²⁵⁷) Срв. Baumeister, p. 116: „ego vero haec (i. e. certamina musica) non fortuito omitta puto.... sed consulto spreto a poeta Hesiodi assecla, cuius familiam assa voce declamitasse poemata non obscura est fama. Fortasse igitur poeta epicus, qui lyricae poeseos incrementis suae arti officii videret, breviter enarratis, quae dicenda erant de Apolline Pythonem versus gradiente, comitantibus sacerdotibus, noluit immorari in describendis ἑπορχήματα et nomis Pythicis“. О характерѣ древнѣйшаго пнѣйскаго агона (см. Paus. X, 7, 4; Strab. IX, 3, 10).

²⁵⁸) См. превосходную характеристику гесіодовой поэзии у Бергга LG. I, стр. 1012 слл.

²⁵⁹) Göttling въ предисловіи къ изданію гесіодовыхъ стихотвореній (стр. XX слл.); Baumeister op. I. p. 115.

²⁶⁰) Ludwich Aristarchs Homerische Textkritik, II, стр. 364 слл.

ческих словъ и оборотовъ рѣчи въ текстѣ совсѣмъ не такъ значительно, какъ того можно было бы ожидать въ виду всего вышеизложеннаго,—и наоборотъ, количество прямыхъ заимствованій изъ поэмъ Гомера гораздо больше, нежели даже въ дельйскомъ гимнѣ, не имѣющемъ притязанія на гесіодическое происхожденіе ²⁶¹⁾. Не лишены также значенія и тѣ неточности и даже грубыя ошибки, которыя допускаетъ неизвѣстный авторъ разсматриваемаго стихотворенія въ области бэотійской топографіи. Такъ напр. Окалею, лежавшую между Галиартомъ и Дельфами, онъ помѣщаетъ между Онхестомъ и Галиартомъ; Аполлонъ переправляется у него въ этотъ городъ черезъ Кефисъ, тогда какъ отъ береговъ Кефиса до Окален остается еще много миль пути; Панопа,—обиталище Флегіевъ, расположена въ нашемъ гимнѣ неподалеку отъ Копайскаго озера, отъ котораго на самомъ дѣлѣ ее отдѣляло весьма значительное разстояніе ²⁶²⁾, —и т. п.

Немудрено, стало быть, если родина пѣійскаго гимна продолжаетъ оставаться столь же спорною, какъ и его хронологія, хотя за бэотійское происхожденіе памятника и высказались такіе авторитетные ученые, какъ Ленцъ, Шнейдевинъ, Баумейстеръ, Бергъ, Мьюръ, Флахъ, Фикъ, М. Дункеръ ²⁶³⁾ и др. Тѣмъ менѣе конечно возможно утверждать что-либо положительное о личности автора. Принадлежалъ ли онъ къ гесіодовой школѣ, или нѣтъ,—этого рѣшить мы отнюдь не въ состояніи; мы можемъ только констатировать въ дошедшемъ до насъ текстѣ существованіе нѣкоторыхъ слѣдовъ гесіодическаго вліянія,—другими словами, можемъ вмѣстѣ съ Флахомъ сказать, что въ немъ замѣтна „борьба іоническихъ элементовъ съ

²⁶¹⁾ Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ глазахъ Гемолля, стр. 119. Мы бы однако склонны были объяснять его себѣ именно желаніемъ гимнаграфа побороть своего соперника-Гомера его же оружіемъ. Къ тому же, какъ показалъ Нисе (*Der homerische Schiffskatalog als histor. Quelle. Kil. 1873. Стр. 58*), нѣкоторые гомерическіе стихи, попадающіеся въ нашемъ гимнѣ, заимствованы изъ каталога кораблей, возникшаго на родинѣ гесіодическаго эпоса,—въ Беотіи.

²⁶²⁾ Срв. Mure op. l. (II) p. 335. Baumeister ad v. c.

²⁶³⁾ Lenz (*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften u. der freyen Künste. 1801. Bd. 65, I, стр. 50*); Schneidewin *Die hom. H. auf Apollon*, стр. 16; Baumeister l. l.; Bergk LG. I, стр. 756 сл., 929 сл.; Mure l. l.; Flach *Das nachhes. Dig.*, стр. 37 сл.; Fick *Die urspr. Sprachform*, стр. 201; M. Duncker *Gesch. d. A.*, V, 494, прим.

элементами материковыми, но при этомъ самостоятельность материка уже гораздо болѣе стерлась, нежели въ бэотійской поэзіи Гесіода²⁶⁴). Что же касается мнѣнія Гиньяра, будто бы составителемъ гимна былъ ни кто иной, какъ упоминаемый въ пиндаровыхъ схоліяхъ Кинэѳъ²⁶⁵), то подобно большей части предположеній названнаго ученаго мнѣніе это, какъ говорятъ нѣмцы, „schwebt in der Luft“ и не нуждается въ серьезномъ опроверженіи.

Въ древности, повидимому, пинейскій гимнъ пользовался такою же популярностью, какъ и делійскій. Онъ былъ знакомъ, кажется, уже Аристофану, который въ своей комедіи „Всадники“ (ст. 1015 сл.) явно намекаетъ на одно мѣсто изъ этого стихотворенія (именно ст. 443), а, быть можетъ, даже и Пиндару, у котораго нѣкоторые пассажи изъ гимна находятъ себѣ поразительное соотвѣтствіе²⁶⁶). Въ началѣ II дохристіанскаго столѣтія встрѣчаемъ прямое указаніе на нашъ памятникъ въ одномъ кносскомъ декретѣ²⁶⁷), нѣсколько позже — въ схоліяхъ къ Пиндару и у названныхъ выше писателей. Когда именно произошло соединеніе двухъ отдѣльныхъ стихотвореній въ одно, опредѣлить невозможно. Вѣрно только то, что во времена Дидима, какъ явствуется изъ текста схолій, оно уже существовало, а во времена Фукидида, категорически ссылающагося на конецъ делійскаго гимна (III, 104), — его еще не было²⁶⁸). Мы не знаемъ также, какими причинами вызвано было такое соединеніе, — было ли оно результатомъ частаго воспроизведенія обоихъ гимновъ рапсодами въ непрерывной послѣдовательности (Мьюръ), или же явилось слѣдствіемъ того, что оба они, какъ произведенія поэтовъ-соперниковъ (Гомера и Гесіода), помѣщались рядомъ въ спискахъ, а затѣмъ были легко смѣшаны и слиты воедино переписчиками (Бергъ). Во всякомъ случаѣ сходство сюжетовъ, плана и поэтическихъ приемовъ играло при этомъ не послѣднюю роль. Заглавіе, которымъ они снабжены нынѣ въ кодексахъ Еп.,

²⁶⁴) Flach l. l.

²⁶⁵) Hignard op. l. p. 220.

²⁶⁶) Срв. h. Hom. Apol. 194 sqq. и Pind. frgm. 78. 79 (Bergk).

²⁶⁷) Hozolle Bulletin de corr. Hell. IV, 352 s.; Cauer Philol. 42, 173 слл.; Sittl LG. I, стр. 197.

²⁶⁸) Слова Фукидида: „ἐτελεύτα τοῦ ἐπαίνου“ (см. ук. м.) я вопреки Гемоллю (Hymnen, стр. 114) понимаю такъ, какъ ихъ понялъ и Элій Аристидъ, употребляющій вмѣсто нихъ выраженіе: „καταλόγων τὸ πρόδιον“.